

Боярский Вячеслав Анатольевич

ИДЕАЛЬНЫЙ "ПОЛЮС" СКЕПТИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ: ОБРАЗ АНГЛИЧАНИНА В ТВОРЧЕСТВЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА

Статья посвящена анализу одного из ключевых концептов художественной философии Г. Газданова – фигуры "англичанина". Данный позитивно маркированный концепт, характеризуемый устойчивым набором признаков (к ним относятся: спортивность, культурность, психологическая тонкость, динамичность, этическая чёткость, душевная гармония, решительность, "предсказуемость", "традиционность"), имеет два варианта – "ироничный" и "уважительный".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 47-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**“THE LAZY TOUR OF TWO IDLE APPRENTICES” BY CH. DICKENS AND W. COLLINS:
ON QUESTION OF CORRELATION BETWEEN REAL AND FANTASTIC IN POLY-GENRE TEXT**

Irina Aleksandrovna Bakhmet'eva, Ph. D. in Philology
*Department of English Language
Voronezh State Pedagogical University
irbakh@mail.ru*

The author considers the correlation between real and fantastic in the poly-genre “unpopular” work of Ch. Dickens and W. Collins, and pays particular attention to the representation of man and society in the artistic space of the work that combines the givens of a detective story, travel notes (close to the genre of sketches cycle) and melodrama.

Key words and phrases: real; fantastic; genre; poly-genre nature; man; society; detective story; travel notes; melodrama; tour; poetics.

УДК 821.161.1

Филологические науки

Статья посвящена анализу одного из ключевых концептов художественной философии Г. Газданова – фигуры «англичанина». Данный позитивно маркированный концепт, характеризующийся устойчивым набором признаков (к ним относятся: спортивность, культурность, психологическая тонкость, динамичность, этическая чёткость, душевная гармония, решительность, «предсказуемость», «традиционность»), имеет два варианта – «ироничный» и «уважительный».

Ключевые слова и фразы: Г. Газданов; художественная философия; англичанин; концепт; варианты.

Вячеслав Анатольевич Боярский, к. филол. н.
*Кафедра философии и социально-гуманитарных наук
Сибирский независимый институт
boyarski@ngs.ru*

**ИДЕАЛЬНЫЙ «ПОЛЮС» СКЕПТИЧЕСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ:
ОБРАЗ АНГЛИЧАНИНА В ТВОРЧЕСТВЕ ГАЙТО ГАЗДАНОВА®**

Гайто Газданова, одного из самых значительных писателей, которого дала первая волна русской эмиграции, трудно назвать оптимистом. Его скепсис и своеобразная мизантропия, очевидным образом связанные с его нелёгкой судьбой (ещё юношей служба в Белой армии на излёте Гражданской войны, эвакуация в Стамбул, гимназия в Болгарии, жизнь разнорабочим, служащим, клошаром и водителем ночного такси в Париже, работа на радио «Свобода» в Берлине), стали краеугольными камнями его художественной философии и отразились в каждом его тексте.

Предметом данной статьи является попытка рассмотреть образ англичанина в творчестве писателя и попробовать в общих чертах определить место этого концепта в художественной философии Газданова. Ограничение этой попытки общими чертами связано как с неисследованностью самой художественной философии писателя, так и с самим жанром работы.

Основными произведениями писателя, в которых существенную роль играет англичанин, являются следующие: рассказ «Превращение» (Воля России. 1928. № 10/11) (далее – П), роман «История одного путешествия» (Современные записки. 1934. № 56; 1935. № 58-59) (далее – ИОП), рассказ «Бомбей» (Русские записки. 1938. № 6) (далее – Б), романы «Полёт» (Русские записки. 1939. № 18-21) (публикация не была закончена) (далее – Пл) и «Переворот» (Новый журнал (Нью-Йорк). 1972. Кн. 107; этот незаконченный Газдановым роман был опубликован посмертно вдовой писателя) (далее – Пр).

Рассмотрим те оппозиции, в рамках которых выстраивается концепт АНГЛИЧАНИН. Первая заметная оппозиция: культура тела (спортивность, атлетизм) vs отсутствие таковой (физическая неразвитость, дряблость). Оговорим сразу, что у Газданова, всю жизнь занимавшегося спортом, естественно, положительно маркирован первый член оппозиции. Подтверждающие примеры многочисленны: в ИОП Артур Томсон воплощает собой образ совершенного спортсмена-атлета (у него «невозможно» выиграть в теннис) [1, т. 1, с. 183]; главный герой Володя «ещё раз удивился впечатлению необыкновенной физической силы, которое производила вся фигура Томсона. Несколько растерянно улыбаясь, как атлет, которого рассматривают в цирке, Томсон рассеянно смотрел прямо перед собой» [Там же, с. 184]; Артур оказывается в состоянии задушить своего «врага» одной рукой [Там же, с. 228]; он спасает тонущую Вирджинию, несмотря на присутствие двух хорошо плавающих «соперников», заслуживая ещё одно упоминание своих спортивных талантов («если бы в ту минуту он (Володя – В. Б.) мог наблюдать и сравнивать, он убедился бы в громадном

атлетическом превосходстве Артура...» [Там же, с. 268]). В Б мистер Питерсон (шотландец) и мистер Грин (англичанин), хотя и не ведут подчёркнуто спортивный образ жизни (упоминается лишь, что «один или иногда два раза в неделю полагалось играть в теннис» [Там же, т. 3, с. 441] и два раза – купаться), однако ходят на далеко не безопасную охоту на кабана и находятся в превосходной физической форме («И Грин, и Питерсон были невероятно для их возраста сохранившимися людьми. Во время утренней часовой прогулки Питерсон шёл обычно размашистым, быстрым шагом, никогда не замедлявшимся, я видел неоднократно, как он, торопясь, бежал через сад... Грин, кроме того, был очень силен; он брал для забавы питерсоновского дога на руки, и однажды, когда Питерсон стоял спиной к двери, он поднял Питерсона за локти и внёс в комнату, как ребёнка. Грин не был толст, как это казалось, когда он был одет, я убедился в этом, увидев его на пляже и подивившись его необъятной грудной клетке и крепкому телу» [Там же, с. 450-451]); в Пл Макфален (тоже шотландец) показан как непрофессиональный спортсмен в отличной форме («Макфален был неутомимым ходоком, очень любил природу, знал все породы деревьев, все цветы, растения, хорошо грёб, бежал и плавал, а в рыбной ловле был совершенно непобедим и никогда не жаловался ни на какие недомогания...» [Там же, т. 1, с. 358]; когда героиня разыграла обморок и упала на руку Макфалену, она «почувствовала мгновенно напрягшиеся мускулы на ней – исключительной твёрдости и гибкости» [Там же, с. 350]).

Второе немаловажное противопоставление: культура (духа) / культурность vs отсутствие культуры. Все англичане (за исключением почти пародийной четы Томсонов из П), вдобавок к своему атлетизму, подчёркнуто культурны: в ИОП атлет Артур хорошо говорит на нескольких иностранных языках (по-французски «с почти незаметным английским акцентом» [Там же, с. 183]), а также «на чистом русском языке» [Там же, с. 184] (отметим, что в газдановском универсуме чистота и правильность языка – свойство значимое и в высшей степени характеризующее культурный уровень героя [Там же, т. 1, с. 503, т. 2, с. 132]), он, «кажется, музыкальный критик» [Там же, т. 1, с. 186], прекрасно играет на пианино, вдумчиво и систематично читает, хорошо знает монпарнасскую богему (и, видимо, разбирается в современном искусстве); мистер Питерсон из Б обладает не столько глубокой культурой, сколько очевидным пиететом перед ней, что отражается, в частности, на его способе формирования своей библиотеки («мистер Питерсон имел обыкновение покупать всякую книгу, о которой он слышал какой-нибудь, всё равно – положительный или отрицательный, отзыв. Книг у него было несколько тысяч, и среди них я находил совершенно неожиданные вещи...» [Там же, т. 3, с. 449]); герой Пл Макфален «был культурным человеком...» [Там же, т. 1, с. 358]: он «настоящий знаток музыки» [Там же, с. 353] и любитель английской литературы (у него с его «соблазнительницей» Людмилой «очень быстро установился... условный язык, основные понятия которого были заимствованы из Киплинга и Диккенса, любимых его авторов...» [Там же, с. 359]); культурный же уровень героя Пр Роберта Вильямса достаточно очевиден из его манеры речи [2, т. 4, с. 592-600]. Итак, «душевная и физическая дряблость» [1, т. 1, с. 505], воплощающая негативный полюс в системе писателя, англичанам совсем не свойственна.

Третья существенная для определения концепта дихотомия: психологическая тонкость, деликатность, такт vs бестактность, внутренняя грубость. Большая часть англичан у Газданова обладает первым набором качеств: Артур играет с Николаем, видит, как переживает жена Николая Вирджиния, – и незаметно поддаётся противнику («Артур увидел её (*Вирджиния* – В. Б.) отчаянное лицо, и Володя заметил, как он улыбнулся. И вдруг Артур потерял свою точность ударов; это продолжалось очень недолго, но в решительную фазу борьбы – и Артур проиграл матч...» [Там же, с. 185]); в Б главный герой говорит о Питерсоне и Грине: «Им обоим, несмотря на всю разницу между ними, было свойственно одинаковое понимание некоторых вещей и одинаковая непогрешимая деликатность...» [Там же, т. 3, с. 449].

Во вселенной Газданова путешествия – обычные, «внешние», и «необычные», внутренние, – играют существенную роль и являются маркерами духовной развитости персонажей. В мире царит тотальная изменчивость, динамика – и гармония с миром требует от героя принятия этой динамики; отсюда своего рода «внутренний номадизм» избранных героев писателя, которые, даже оставаясь на месте, готовы уехать в любую минуту. Естественно, что «англичанин» как идеальный тип должен демонстрировать страсть к путешествиям. И действительно, герой ИОП Артур «любил путешествовать, и это он объяснял наследственностью: его отец... погиб в одной из своих полярных экспедиций...» [Там же, т. 1, с. 198], кроме того, взросление Артура было ознаменовано длительным путешествием по России (куда его «выписал» его дядя и откуда они во время революции еле выбирались); в Б герой сообщает о библиотеке мистера Питерсона: «Целая полка была отведена всевозможным путешественникам...» [Там же, т. 3, с. 449]; герой Пр Роберт Вильямс сообщает: «Я жил в Америке, в Англии, в Германии, в Швейцарии» [2, т. 4, с. 594]. Кажущимися исключениями из этого правила являются Макфален (Пл) и чета Томпсонов (П); однако Макфален, обозначенный как неутомимый ходок, встречает Людмилу в Париже, находясь в путешествии; что касается Томпсонов, то они, будучи гротескно обрисованы как своего рода английские «старосветские помещики», воплощают патриархальную статику – и в этом отношении противопоставлены всем остальным героям-англичанам, в образах которых соединяются динамические и статические компоненты.

Пятой существенной характеристикой «англичанина» становится этическая «чёткость», ясность, отсутствие сомнений; если герой видит несправедливость, он не может остаться равнодушным. «Англичане» Газданова оказываются своего рода «воплощениями справедливости» и «служителями закона» (даже если этот закон носит неписаный характер): Артур в ИОП, случайно встретив доктора Штука, мерзавца, который подло поступил с женщиной, которую Артур любит, просто убивает его, не сделав при этом «ни одной ошибки» [1, т. 1, с. 228], которая позволила бы полиции выйти на его след, и нисколько не раскаявшись после этого

[Там же, с. 232]; Роберт Вильямс в Пр, видя несправедливость государственного устройства, готов бороться и провести бескровный (*sic!*) государственный переворот. К этой группе, думается, можно отнести и героя романа «Эвелина и её друзья» – американского следователя Колтона, бывшего проповедника, «высокого человека редкого атлетического совершенства», который, в отличие от своих французских коллег, не просто делал «свою работу», но «выполнял долг» [Там же, т. 2, с. 647]; будучи священником, он понял, что есть люди, «которые слишком испорчены, чтобы их можно было в чём-либо убедить» [Там же, с. 651], и именно эти люди представляют максимальную опасность для общества; этих людей «следует нейтрализовать» [Там же] – и его работа следователем становится естественным продолжением работы священника. Отметим также, как Колтон в споре с героем-писателем изящно решает этическую проблему «нелинейности», «поливалентности» человеческой личности: замечание писателя о том, что существуют люди с двумя или тремя жизнями, Колтон парирует аргументом, что сложность этой проблемы носит лишь внешний характер, и в любом случае лишь одна из жизней такого человека настоящая, та, «которая характеризуется его нравственным обликом» [Там же]. Моральная ригористичность этого персонажа-англосакса и ясность его этической системы очевидны.

«Очерченность», чёткость и «простота» этической системы соединены у персонажей-англичан с почти невероятной в мире Газданова роскошью – душевной гармонией. Англичанам (на первый взгляд) не свойственны мучительные метания, тотальный душевный хаос и дисгармония, столь очевидные у «культурных» героев Газданова. Рассказчик в Б с удивлением и завистью описывает двух друзей-англичан: «И так же, как они оба сохранились физически, они сохранились душевно; оба с азартом играли в шарады, решали крестословицы и пели вдвоём французские песенки... Их общество производило на меня спасительное действие; и мне начинало казаться иногда, что не было ни Парижа, ни тоски, ни неудач, ни длинного ряда трагических и печальных существований, с которыми я соприкасался, ни той живой человеческой падали, с которой мне приходилось иметь дело, – а вместо этого был солнечный день раннего детства, где-то в густом саду, в России...» [Там же, т. 3, с. 451]. Душевная «сохранность» во многом определяется способностью взрослого оставаться ребёнком, сохранять «детский» энтузиазм и энергию; картина Парижа, отравляющим рассказчика, противопоставляется детский «пейзаж», в который можно вернуться (под влиянием англичан). Ту же внутреннюю гармонию демонстрируют и другие англичане: Артур (ИОП), несмотря на своё безвыходное положение, не теряет надежды, уничтожает «противника» – и обретает долгожданное счастье и гармонию в любви (эта возможность, кажущаяся банальным финалом, для Газданова является важным показателем целостности природы героя; вспомним противоположный сюжет в «Хане»); Макфален (Пл), несмотря на свой возраст, влюбляется в расчётливую героиню «без памяти», что тоже свидетельствует и о «душевной молодости», и о цельности природы героя; Роберт Вильямс (Пр) несокрушимо уверен, что ему с товарищами удастся невозможное – бескровный государственный переворот и устройство справедливого государства, что, конечно, тоже доказывает цельность природы героя (и его внутреннюю гармонию), находящую своё выражение в активных действиях. Особняком стоит здесь чета Томсонов, создание которых, как признаётся нарратор в П, имело для него терапевтический эффект: «Я писал мемуары (*от лица мистера Томсона – В. Б.*) и завидовал мистеру Томсону; я старался жить так же, как он, но мне не хватало Англии, мадам Томсон, трубки и собственной квартиры; кроме того, мой душевный покой был многократно нарушен и не восстанавливался» [Там же, с. 84]. Внутренний хаос и внешняя неустроенность героя, фактическая невозможность контролировать своё сознание («Каждый вечер я засыпал, обессиленный океаном звуков, проходивших в моём мозгу» [Там же, с. 83]) создают ситуацию близкого сумасшествия; герой вынужден, как Мюнхгаузен, сам вытаскивать себя за волосы из этого болота, выдумывая «английский» островок стабильности и семейной гармонии («Такое напряжённое состояние становилось невыносимым; и жёлтыми днями... я писал мемуары мистера Томсона, британского гражданина, проведшего всю жизнь в спокойствии и благодушии маленького городка Англии, чинно праздновавшего воскресенье» [Там же]). Из мира, пережившего Первую мировую войну и революцию, полного ощущения неминуемости Второй мировой войны, герой переносится в английскую патриархальную идиллию, которая, несмотря на скепсис её создателя, всё же даёт ему силы жить дальше и сохраняет его психическое здоровье. Итак, душевный хаос типичных героев писателя противопоставлен душевному космосу, «внутреннему эквилибриуму» героев-англичан.

Если герои - *alter ego* у Газданова – это герои-интеллектуалы, погружённые в хаос, живущие не просто «без одежды» (как у Горького), но и «без кожи», чья жизнь является совершенно неуправляемым процессом (уместной здесь видится метафора потока, который несёт людей – и которому невозможно сопротивляться – и смысл которого невозможно понять; типичная самооценка: «Ему казалось, что он принадлежит к людям, которым судьба дала что-то лишнее и тяжёлое, что их давит всё время и стесняет их движения и ещё заставляет считать, что настоящее и то, в чём они живут, это всё только случайность и недоразумение...» [Там же, т. 1, с. 158]), то герои-англичане сами контролируют свою жизнь, их существование предсказуемо и управляемо – от мистера Томсона – до Роберта Вильямса; это герои не столько размышления, сколько действия, не столько бесконечной рефлексии, сколько несгибаемой воли. В высшей степени характерным является английский эпитаф, выбранный Газдановым для романа «Пилигримы», – «слова, приписываемые адмиралу Харту»: «Dear God, give us strength to accept with serenity the things that cannot be changed. Give us courage to change the things that can and should be changed. And give us wisdom to distinguish one from the other» («Возлюбленный Господь, дай нам силу принимать со спокойствием те обстоятельства, которые нельзя изменить. Дай нам мужество изменить те обстоятельства, которые могут и должны быть изменены. И дай нам мудрость отличать первые от вторых»). Герой-англичанин всюду устанавливает «правила игры» – и старается играть

честно согласно этим правилам (ключевую роль *fair play* в английской культуре прекрасно описал С. де Мадариага [3]); газдановский же герой - *alter ego* рассматривает любые правила, признаёт их несостоятельными – и вынужден обходиться без них. «Мрачная поэзия человеческого падения» [1, т. 1, с. 478], которую наблюдает и анализирует герой - *alter ego* писателя, противопоставлена ясной «прозе» английской жизни, грязь и зловоние «человеческой падали» ночного Парижа – подчёркнутой физической и душевной чистоплотности героев-англичан («...мне была непривычна традиционность питерсоновского быта, необходимость переодеваться несколько раз в день, казалось странным, что вечером непременно нужно быть в смокинге, когда проще было бы надеть рубашку с короткими рукавами... Я с удовольствием отказался от рациональных взглядов на одежду, и точно так же мне теперь казались естественными разговоры, в которых тщательно избегались щекотливые вопросы, сложные проблемы и уж совершенно безусловно – какое бы то ни было любопытство личного порядка» [Там же, т. 3, с. 451]). Для газдановского героя-аналитика очевидная разница между англичанами и всеми остальными людьми ещё и в «предсказуемости» последних (которая, по сути, есть не что иное, как ещё одно проявление «внутреннего космоса»): «...если бы моя жизнь в Бомбее была так же судорожна и несчастна, как в Париже, я продолжал бы искать утешения в постоянном любопытстве к людям и вещам, которое занимало у меня обычно много времени и давало повод к бесконечным размышлениям и выводам, отличавшимся исключительной хрупкостью; каждое следующее разрушало предыдущее, чтобы быть в свою очередь уничтоженным или... подверженным сомнению. <...> ...мне чаще всего приходилось отказываться от каждого очередного опыта, настолько всё было неверно и изменчиво, настолько люди, которых я хорошо знал, поступали совершенно наперекор своим свойствам, привычкам или обычным побуждениям и действовали, подчиняясь каким-то слепым и непредвиденным причинам. Это бывало почти всякий раз, когда они подвергались серьёзному испытанию; а в обычной жизни они казались несложными и примитивными, и изучение их не представляло ни особенных трудностей, ни особенного интереса. <...> Здесь же я предпочитал иметь дело с теми, в поведении которых не могло оказаться ничего неожиданного... Больше всего всё-таки я любил общество двух стариков, Питерсона и Грина; оба были благожелательны и благодушны, оба посмеивались друг над другом, и никогда в их прозрачном юморе не было ничего, что могло бы задеть или обидеть» [Там же, с. 448-449]. «Стремительное и абсурдное движение» [Там же, т. 1, с. 621], которое обычно наблюдает герой-аналитик, и его собственное существование, в котором «не было ничего постоянного» [Там же, т. 2, с. 130], отчётливо противопоставлены «английскому миру», с его стабильностью и пронесёнными сквозь века традициями. Ностальгия Газданова-эмигранта, отразившаяся в самоубийственной – при «удачной» её реализации – попытке вернуться на родину перед войной, нашла своё выражение в восхищении Англией – и её сыновьями (при ясном понимании недостатков «англичанина»): «...было очевидно, что ни на какое сколько-нибудь глубокое и оригинальное суждение он (*мистер Питерсон – В. Б.*) не был способен. Но в нём была такая привлекательность, такая прозрачность всех его несложных чувств, что пребывание с этим человеком было несравненно приятнее, чем интереснейший разговор. Он точно носил с собой совершенно готовое представление о хорошо устроенном доме, крепкой семье, глубоких креслах, хороших сигарах, диккенсовской душевной уютности; он, казалось, возникал в классическом пейзаже старых деревьев, которые любило несколько поколений...» [Там же, т. 3, с. 422-423]. Отметим акцентируемую «прозрачность» этого «английского» мира; данная характеристика исключительно важна в поэтике писателя – и всегда является позитивным маркером («У меня была когда-то такая счастливая, прозрачная жизнь (*здесь и далее курсив мой – В. Б.*)... зачем вы разрушили всё это?» [Там же, с. 327]; «Иногда, раз в несколько лет, среди этого каменного пейзажа бывали вечера и ночи, полные того тревожного весеннего очарования, которое я почти забыл с тех пор, что уехал из России, и которому соответствовала особенная, прозрачная печаль моих чувств, так резко отличная от моей постоянной густой тоски, смешанной с отвращением» [Там же, т. 1, с. 608]; «И только в одном случае я испытывал нечто, похожее на то волнение, которое всегда вызывало очередное появление этого прозрачного мира... отказаться от которого я бы не мог без того, чтобы это не вызвало мгновенного душевного обеднения» [2, т. 4, с. 515], число примеров можно легко умножить).

Подведём итоги. «Англичанин» в мире Газданова обладает целым рядом повторяющихся характеристик (хотя сам концепт «подаётся» двояко: «иронично» (чета Томсонов в П) – и «уважительно» (во всех остальных случаях)), противопоставляющих его как герою-аналитику, так и остальным персонажам «человеческой комедии». К таким характеристикам относятся: а) культура тела (спортивность, атлетизм) (противопоставленные «душевной и физической дряблости»); б) культура (духа) / культурность (противопоставленные, с одной стороны, отсутствию культуры, с другой – «вершинам интеллекта», доступным герою-аналитику); в) психологическая тонкость, деликатность, такт (противостоящие бестактности, внутренней грубости других героев); г) динамичность / «внутренний номадизм» / страсть к путешествиям (противопоставленные статичности, «привязанности» к одному месту других персонажей); д) этическая чёткость, ясность / борьба с несправедливостью (противостоящие этическому хаосу – и неготовности бороться за справедливость); е) душевная гармония / внутренний космос (противопоставленные душевной дисгармонии / внутреннему хаосу героя-аналитика); ё) готовность действовать / решительность / воля (противостоящие бесконечной рефлексии / нерешительности / аналитической «созерцательности» героя-аналитика); ж) «предсказуемость» / игра по правилам / *fair play* (противопоставленные непредсказуемости / отсутствию «правил» (или их отрицанию)); з) «традиционность» / историческая преемственность / патриархальность (противополагаемые случайности и хаосу, царящим в разрушенном историческими катаклизмами мире). Весь этот набор качеств «неминуемо» делает «англичанина» одним из редких идеальных конструкторов скептического универсума Гайто Газданова.

Список литературы

1. Газданов Г. Собр. соч.: в 3-х т. М.: Согласие, 1996.
2. Газданов Г. Собр. соч.: в 5-ти т. / под общ. ред. Т. Н. Красавченко. М.: Эллис Лак, 2009.
3. Мадариага С. де. Англичане, французы, испанцы. СПб.: Наука, 2003. 244 с.

**IDEAL “POLE” OF SKEPTICAL UNIVERSE:
IMAGE OF ENGLISHMAN IN CREATIVE WORKS OF GAITO GAZDANOV**

Vyacheslav Anatol'evich Boyarskii, Ph. D. in Philology
Department of Philosophy and Social-Classical Sciences
Siberian Independent Institute
boyarski@ngs.ru

The author analyzes one of the key concepts of G. Gazdanov's artistic philosophy – the figure of “Englishman”, and tells that this positively marked concept, characterized by the stable set of features (which include: physicality, level of culture, psychological subtlety, dynamics, ethical clarity, mental harmony, resoluteness, “predictability”, “traditionality”), has two variants – “ironic” and “respectful” ones.

Key words and phrases: G. Gazdanov; artistic philosophy; Englishman; concept; variants.

УДК 80

Филологические науки

В статье рассматриваются современные подходы к трактовке художественного концепта как единицы сознания писателя. Выявляются основные методы анализа художественного концепта в когнитивной лингвистике и в лингвокультурологии. Предпринята попытка собственного определения художественного концепта, на основании проанализированных путей исследования концепта в смежных научных дисциплинах предложен литературоведческий подход к его изучению.

Ключевые слова и фразы: художественный концепт; структура концепта; сознание писателя; концептный анализ; концептосфера.

Татьяна Ивановна Васильева, к. филол. н., доцент
Кафедра русской литературы
Магнитогорский государственный университет
TAvm@yandex.ru

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА[©]**

Работа выполняется в рамках проекта № 6.2939.2011, финансируемого Министерством образования и науки Российской Федерации (госзадание на оказание услуг).

Концепт как основная единица когнитивной деятельности с конца XX века стала объектом пристального внимания разных научных дисциплин: когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и др. Междисциплинарное значение концепта определяет многовариантность трактовки и алгоритмов его исследования. В современном литературоведении актуальна проблема разработки понятия «художественный концепт» и методики его анализа, решение которой позволило бы более детально изучить ключевые концепты произведений русской литературы, прояснить особенности мировоззрения писателей, а также установить их вклад в развитие национальной концептосферы.

Когнитивная лингвистика под концептом понимает «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [16, с. 34]. Отталкиваясь от трактовки концепта в работе В. И. Карасика, отмечающего, что именно «ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить» [10, с. 8], З. Д. Попова и И. А. Стернин обращают внимание на то, что концепты порой не имеют языкового выражения, иногда носят эмпирический характер, не всегда имеют ценностную составляющую и этнокультурную специфику. В структуре концепта эти учёные выделяют ядро (базовый слой) и